

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

М. А. Голева

Сетевые эффекты рождаемости: случай многодетных семей в России¹

ГОЛЕВА Мария Александровна — младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: Россия, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.

Email: m.goleva@mail.ru

В рамках данной работы предпринимается попытка ответить на вопрос о том, что способствует возникновению больших семей вопреки экономическим, социальным и институциональным ограничениям. В статье раскрывается тезис о возможности фокусирования на мезоуровне, то есть на социальных связях, при изучении процессов рождаемости. Показывается, что используемая типология механизмов воздействия на рождаемость опирается на традицию исследований семьи и внутрисемейных процессов в логике сетевого анализа и является релевантной и продуктивной для изучения семей.

На основе 25 глубинных интервью в российских семьях с многодетными родителями в Архангельске, Москве, Московской и Владимирской областях сделаны выводы о функционировании механизмов социального влияния на рождаемость в современном российском контексте (на примере многодетных семей). Анализ данных был проведён в логике обоснованной теории. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что процессы социального заражения, социального давления, социального обучения и социальной помощи расширяют возможности для перехода к семье с несколькими детьми. Многодетные семьи существуют в контексте, образуемом при пересечении социальных связей, к которым относятся как существующие контакты (родственные, дружеские, приходские), так и формирующиеся на базе общественных организаций, например — центров детского творчества или семейных ассоциаций. Кроме того, «большая семья» может являться генератором социального капитала, реципрокности, доверия в обществе.

Полученные данные позволяют не только представить рождаемость как процесс, укоренённый в социальных сетях, но и предложить ряд ответов на вопрос о влиянии социальных сетей на рождаемость в многодетных семьях, а также обозначить перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальный капитал; социальные сети; механизмы влияния на рождаемость; сетевые эффекты рождаемости; сетевые ресурсы; многодетные семьи.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10089). Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Благодарю И. В. Павлюткина за предварительное обсуждение рукописи этой статьи и ценные комментарии. Я также признательна анонимным рецензентам за рекомендации по доработке текста.

Введение

Многодетная семья² может быть представлена как эмпирическое и теоретическое исключение. Эмпирическим исключением такие семьи являются в силу своей малочисленности: в России около 7% домохозяйств с детьми являются многодетными³. Кроме того, семья с большим количеством детей достаточно редко выступает в качестве объекта анализа демографических и социологических исследований [Downey 1995; Назарова 2000; Шевченко, Шевченко 2005; Пациорковский, Пациорковская 2009]. Теоретическим исключением многодетные семьи являются потому, что объяснение возникновения таких семей представляется затруднительным. С позиций экономической теории семьи, большие семьи иррациональны: ребёнок, его выращивание и воспитание, требует значительных инвестиций; рождение каждого следующего ребёнка их увеличивает, при этом сокращая возможности родителей по инвестициям в качество детей⁴. Кроме того, феномен больших семей сегодня изучается в связи с обсуждением факторов бедности, социального неблагополучия, эффектов вторых браков и «остатка» традиции [Гришина 2006; Вовк 2007а; 2007б]. При этом в существующих работах, как правило, объясняются только первые и вторые рождения, редко третьи [Berinde 1999; Berghammer 2009; Balbo, Mills 2011b], а само решение о рождении ребёнка описывается как индивидуалистическое [Беккер 2003]. Влияние институциональной среды на рождаемость также неоднозначно: есть как исследования о том, что меры государственной поддержки воздействуют, скорее, на календарь рождений, чем на суммарный коэффициент рождаемости, так и работы, показывающие, что некоторые меры социальной помощи семьям оказываются эффективными [Журавлева, Гаврилова 2017].

С учётом сказанного возникает вопрос о том, что, вопреки экономическим, социальным и институциональным ограничениям, способствует возникновению больших семей. В рамках данной работы предполагается, что вариантом ответа на поставленный вопрос может являться предположение о воздействии социальных сетей как мезоуровня социальной реальности [Keim, Klärner, Bernardi 2009а; 2009b; 2009с; Balbo, Mills 2011а; 2011b; Balbo, Barban, Mills 2012]. В силу включённости (укоренённости, в терминах М. Грановеттера) индивидов в социальные сети, взаимодействия с их участниками оказывают значительное влияние на построение индивидуальной жизненной траектории [Грановеттер 2002; Elder, Johnson, Crosnoe 2003]. Фокусирование на социальных связях объясняется тем, что, во-первых, существуют работы, подтверждающие тезис о воздействии социальных связей индивида на его фертильное поведение. Так, Н. Бальбо и Н. Барбан показывают, что в случае рождения детей у близких друзей для респондента повышается вероятность рождения собственного ребёнка в течение двух лет [Balbo, Barban 2014]. Во-вторых, сетевой анализ является концептуальной рамкой, позволяющей рассматривать в качестве предмета исследования взаимоотношения и взаимодействия, создаваемые и поддерживаемые людьми, значимые для рождаемости, а также их контекст и содержание, описывать социальную реальность как структуру взаимоотношений (реляционную структуру) [Bolibar 2016: 2218]. Таким образом, сетевой анализ позволяет анализировать мезоуровень — связи между микроуровнем (индивиды) и макроуровнем (крупные социальные структуры, например — организации) [Bolibar 2016: 2219].

Ключевой вопрос данной работы может быть сформулирован следующим образом: *какова роль социальных сетей при переходе к семье с несколькими детьми?* Текст будет построен следующим образом: в начале работы производится обзор исследований социальных сетей в контексте рождаемости, для чего были отобраны наиболее цитируемые и релевантные источники из российских и зарубежных баз

² Под многодетными понимаются семьи с тремя детьми и более.

³ См. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 13 декабря 2017).

⁴ Вопрос о соотношении качества и количества детей рассматривается в рамках экономической модели семьи Г. Беккера. (см.: [Беккер 2003]).

данных научного цитирования; затем приводятся результаты эмпирического исследования многолетних родителей. В завершение делается вывод о функционировании механизмов социального влияния на рождаемость.

Тематические направления эмпирических исследований социальных сетей в контексте рождаемости

Исследования влияния социальных сетей на разные аспекты семейной жизни имеют не менее чем полувековую историю. К одной из первых публикаций можно отнести книгу Е. Ботт «Семья и социальная сеть», изданную в 1957 г. [Bott 1957]. В ней представлены результаты исследования, основанного на 20 глубинных интервью с обоими супругами в семьях с детьми. Анализ собранных эмпирических данных позволил Е. Ботт выдвинуть гипотезу о воздействии социального окружения супругов на распределение домашних обязанностей внутри семьи: чем выше плотность индивидуальных связей мужа и жены (и если их интенсивность не изменилась после заключения брака), тем сильнее дифференциация домашнего труда в семье; если же социальные связи вне семьи достаточно слабые, то сегрегация занятий в семье меньше, многие обязанности выполняются мужем и женой совместно [Bott 1957]. Исследования последних лет были посвящены разным аспектам влияния социальных связей на рождаемость. Далее будут описаны некоторые из них.

Изменение социальных связей в зависимости от периода рождения ребёнка в семье

В исследовании, посвящённом данному вопросу, рассматривались случаи родительства в младших, средних и старших возрастах, а под «изменением социальных связей» подразумевалось сокращение или увеличение интенсивности контактов и объёма социальной поддержки [Rözer, Poortman, Mollenhorst 2017]. Один из выводов работы заключался в следующем: рождение и воспитание ребёнка способствуют повышению частоты контактов с соседями и сокращению интенсивности общения с друзьями, что объяснялось спецификой исполнения роли родителей в разных возрастах. Так, родительство в более ранних возрастах способствует сокращению общения с друзьями, но увеличивает потребность в дополнительной поддержке и помощи, повышает частоту контактов с родственниками и соседями, в том числе потому, что молодые родители редко имеют возможность привлекать для решения бытовых вопросов сторонних людей на платной основе [Rözer, Poortman, Mollenhorst 2017: 1890]. Однако, несмотря на наличие материальных ресурсов и жизненного опыта, позднее родительство также может вызывать трудности, в частности — за счёт большой разницы в возрасте с другими родителями маленьких детей [Rözer, Poortman, Mollenhorst 2017: 1890].

Воздействие социальных взаимодействий в рабочем коллективе на фертильное поведение занятых оплачиваемым трудом женщин

Специфика исследования Ф. Силиберто и его коллег заключается в том, что, во-первых, они приняли попытку изучения воздействия социального окружения не на индивидуальном, а на коллективном уровне (иначе говоря, на мезоуровне): исследователями рассматривался коллектив совместно работающих женщин. Во-вторых, авторы обращают внимание на то, что социальные эффекты могут быть как положительными, способствующими рождаемости, так и отрицательными. Именно поэтому учёные исследуют воздействие социальных связей на рабочем месте. С их точки зрения, работа — это место, где люди проводят значительное количество времени во взаимодействии с «другими», то есть с коллегами, обладающими разными социальными и экономическими характеристиками; соответственно подобное общение может оказывать неоднозначный эффект на рождаемость индивидов. К негативным эффектам относят карьерные и материальные ограничения, с которыми встречаются матери: например, необходимость уделять значительное количество времени уходу за ребёнком и его

воспитанию, нередко в ущерб рабочему времени, что сказывается на заработной плате [Ciliberto et al. 2016: 853]. Также неблагоприятной ситуацией для женщин-работников является синхронизация фертильного поведения, так как у них могут возникнуть сложности с восстановлением на рабочем месте при одновременном выходе из декретного отпуска [Ciliberto et al. 2016].

Влияние родственных связей индивидов на фертильное поведение

В работе А. Тансканена и его соавторов изучалось взаимодействие пары с родителями мужа и жены [Tanskanen et al. 2014]. Исследователи выяснили, что влияние свекрови и свекра и тещи с тестем на рождаемость может быть разной [Tanskanen et al. 2014: 270]. Так, родители по материнской линии инвестируют больше ресурсов в семью детей, чем по отцовской, причем бабушки вкладываются больше дедушек (это может обуславливаться тем, что родители мужа нередко оказываются старше родителей жены) [Tanskanen et al. 2014: 271]. А. Тансканен с соавторами показывают, что контакты с родителями мужа способствуют рождению второго ребёнка; при этом регулярное общение с родителями жены сокращает вероятность рождения третьего и последующих детей [Tanskanen et al. 2014: 276–278]. Исследователей также интересовал вопрос о том, как семейные системы родственников влияют на фертильные намерения людей: для рождения первенцев социальные связи с родственниками оказываются незначимыми, так как появление первого ребёнка обуславливается другими факторами, однако уже для вторых рождений контакты с родственниками и оказываемая ими социальная поддержка приобретают определяющее значение [Monkediek, Bras 2018: 33–52].

Эмпирические исследования социальных сетей в контексте рождаемости: основные выводы

Представленное выше описание эмпирических исследований позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, рассматриваются разные аспекты воздействия социальных сетей в контексте рождаемости: в упомянутых работах внимание фокусируется на композиции социального окружения — в зависимости от возраста родителей и типов их контактов с родственниками, друзьями, коллегами [Rözer, Poortman, Mollenhorst 2017]. Во-вторых, эффекты социального взаимодействия носят неоднозначный характер не только с точки зрения того, что одни контакты способствуют рождению, а другие — их откладыванию [Tanskanen et al. 2014; Ciliberto et al. 2016]. Неоднозначность проявляется в том, что положительное или отрицательное воздействие на рождаемость не зависит от силы связей.

Прежде чем перейти к эмпирическим результатам, представляется целесообразным обратиться также к концептуальным различиям, существующим в исследованиях социальных эффектов рождаемости.

Основные концептуальные подходы к исследованию социальных эффектов рождаемости

С точки зрения концептуальных различий описанные выше исследования воздействия социальных сетей на рождаемость можно разделить на две группы [Balbo, Barban, Mills 2012]:

- работы по социальному капиталу, в основном посвящённые *обмену ресурсами*, значимых для рождаемости;
- исследования по социальному взаимодействию, а именно мнений и поведения значимых других, оказывающих воздействие на репродуктивное поведение. Для обозначения совокупности направлений влияния социального окружения на фертильное поведение использовалось понятие «*социальные механизмы влияния на рождаемость*».

Первая группа исследований в основном проводилась в странах Западной Европы; вторая — как в развивающихся странах (рассматривались вопросы о контрацептивном поведении [Kohler, Behrman, Watkins 2001; Madhavan, Adams, Simon 2003]), так и в развитых (в основном качественные исследования на небольших выборках). В этом смысле исследование Л. Бернарди, С. Кейм и А. Кларнера является исключением. Стремясь изучить влияние социальных связей (контактов с родителями, братьями и сёстрами, другими родственниками, друзьями и коллегами) на фертильные намерения, решения и поведение индивидов и пар [Bernardi, Keim, Klärner 2014: 1], исследователи рассматривают ситуации в восточной и западной частях Германии, а не в странах «третьего мира» [Bernardi, Keim, Klärner 2014: 16]. Это обусловливается тем, что для стран Западной Европы характерны индивидуализация, преумножение значения традиционных семейных связей и соответственно недостаточная изученность социальных связей [Bernardi, Keim, Klärner 2014: 2–3]. Выбранные учёными города различаются по таким параметрам, как средний возраст матери при рождении первенца (в Восточной Германии данный показатель ниже, чем в Западной) и уровень бездетности [Bernardi, Keim, Klärner 2014: 4]. С. Мадхаван и её коллеги также анализируют влияние состава социальной сети женщин на фертильное поведение, однако рассматривают случай не европейских стран, а ситуацию в Республике Мали. Основным тезисом авторов заключается в том, что процессы, связанные с деторождением, являются социальными, поэтому решения об определении интервала рождений, прекращении рождений, использовании контрацепции принимаются не столько индивидуально или в паре, сколько под воздействием социальных сетей женщины и в зависимости от их конфигурации [Madhavan, Adams, Simon 2003: 58]. Наличие же у женщины социальных связей за пределами её деревни способствует повышению гетерогенности связей, что благоприятствует обмену информацией, в частности — о способах контрацепции и преимуществах жизни семьи с небольшим количеством детей [Madhavan, Adams, Simon 2003: 64].

Предложенная Н. Больбо и её соавторами классификация позволяет различить разные виды эффектов социальных сетей: социальные сети как источник ресурсов и как средство социального взаимодействия. В то же время в каждом из подходов используется термин «социальная поддержка», включающий широкий спектр понятий и приобретающий разные значения в зависимости от контекста употребления [Штейнберг 2009]. Так, понятие «социальный капитал» в рамках исследований рождаемости может быть рассмотрено в качестве синонима социальной поддержки. В таком контексте под социальным капиталом понимается множество ресурсов, доступ к которым становится возможным через социальные связи индивида. Вследствие этого необходимо рассмотреть понятие «социальная поддержка» подробнее.

Социальная поддержка

Кроме отмеченного выше, существует более широкий контекст использования термина «социальная поддержка». Так, И. Е. Штейнберг выделяет четыре концепции в исследованиях социальной поддержки [Штейнберг 2010]:

- в основе первого подхода лежат теории «П. Бурдьё и Дж. Коулмана, которые видели в социальных сетях форму социального капитала» [Штейнберг 2010: 41]. Дж. Коулман представлял социальный капитал как совокупность взаимоотношений индивидов, основанных на доверии и исполнении обоюдных обязательств [Коулман 2001]. П. Бурдьё же определял социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдьё 2002: 66];
- вторым подходом является «представление о социальной сети как об устойчивой совокупности взаимосвязей и отношений между участниками по обмену различными ресурсами, вклю-

чая подарки и прочие символы причастности и солидарности» [Штейнберг 2010: 41]. Представителем данного подхода является М. Грановеттер со своей теорией о сильных и слабых связях [Грановеттер 2009: 32];

- адаптационная концепция объединяет группу исследований, фокусирующих своё внимание на изучении функционирования неформальных социальных сетей в критических ситуациях. Примерами таких процессов являются взаимовыручка в крестьянских сообществах [Скотт 1999], помощь в поиске работы через знакомых;
- в качестве четвёртого И. Е. Штейнберг упоминает «внеинституциональный» подход, в соответствии с которым предполагается, «что сетевые отношения всегда существовали в обществе, но *вне* традиционного иерархического института с его вертикальной организацией, системой патрон-клиентских отношений, жёсткостью в определении ролей и статусов членов общества» [Штейнберг 2010: 43].

В прикладных исследованиях концепт «социальная поддержка» рассматривается в рамках изучения межсемейных трансфертов — обмена материальными ценностями и «помощи в ведении хозяйства и в уходе за детьми со стороны лиц, не являющихся членами домохозяйства респондента» [Сухова et al. 2013: 122], оказанной безвозмездно. При этом наибольшая часть трансфертов (продуктовых, денежных, трудовых) по социальным сетям приходится на родственные связи (90%), и лишь 10% — на дружеские и соседские [Барсукова 2005: 43]. Примечательным представляется указание С. Ю. Барсуковой на сложность фиксирования всех социальных трансфертов количественными методами: стандартизированная анкета не позволяет учесть эмоциональную и информационную поддержку [Барсукова 2005: 44].

Следует отметить, что в сетевом подходе термин «поддержка» используется достаточно широко, обозначая формальные и неформальные взаимодействия между родственниками, друзьями, приятелями, коллегами [Specht 1986] и государственную поддержку, а именно меры социальной политики, выступающие в качестве альтернативы сильным связям (часть их функций передаётся системам социального обеспечения, образовательным и медицинским учреждениям) [Беккер 2003]. Однако анализ получения ресурсов из источников последнего типа находится за рамками обмена, производящегося по социальным сетям на мезоуровне, так как рассмотрение эффектов социальной политики относится к факторам макроуровня.

Общий объём поддержки можно разделить на субъективное ощущение поддержки индивидом, реальные действия других людей с целью оказания помощи, а также связи, которые могут быть использованы для получения ресурсов [Specht 1986]. Кроме того, поддержка может подразделяться на финансовое содействие, обмен услугами, подарками и советами [Sussman, Burchinal 1962], иными словами, на материальную (вещи, помощь по уходу за детьми), эмоциональную (обсуждение тревожащих вопросов и событий) и информационную (получение новых сведений через социальные связи) помощь [Unger, Powell 1980].

Выделенные типы поддержки в соответствии с понятием социального капитала П. Бурдьё и Дж. Коулмана, в работах, посвящённых изучению воздействия социальных сетей на рождаемость, рассматриваются в качестве ресурсов, которые могут принимать различную форму — не только денежную, но также товаров, информации, способности к труду, услуг [Bühler, Philipov 2005]. Однако составлять социальный капитал будут только те, мобилизация которых способствует достижению целей индивида, например — обеспечивают стабильность и предсказуемость с экономической точки зрения для семьи с ребёнком [Bühler, Philipov 2005]. Ключевым для понимания процесса циркуляции ресур-

сов является такое свойство социального капитала, как реципрокность, подразделяющаяся на (1) направленную, предполагающую взаимообмен (то есть обмен приблизительно равными по ценности ресурсами) между двумя участниками, и (2) ненаправленную, в рамках которой цепочка взаимодействия является более длинной: индивид отдаёт ресурсы одному участнику сети, а получает от другого. В обоих случаях трансферты производятся не одновременно, но в течение некоторого периода; если же ответной передачи ресурсов не происходит, то отношения могут прерваться [Bühler, Philipov 2005]. Обмен с членами семьи и родственниками относится к ненаправленной реципрокности, поскольку он является основой длительных и устойчивых социальных сетей [Bühler, Philipov 2005].

Несмотря на то что обмен материальными ресурсами наиболее очевиден и «удобен» для наблюдения и фиксирования проявления работы социальных сетей, в рамках данной работы поставленный вопрос будет рассматриваться в более широком контексте. В связи с этим предполагается придерживаться концептуализации механизмов влияния на рождаемость, предложенной Лаурой Бернарди и её коллегой Андреасом Клярнером, различавшими социальное воздействие, поддержку и обучение [Bernardi, Klärner 2014; Голева, Павлюткин 2016].

Источники данных

Эмпирическую базу исследования составили 25 глубинных интервью с многодетными родителями, проведённые в Москве (12 интервью) и Московской области (два интервью), Владимирской области (три интервью во Владимире и два интервью в Гороховце) и Архангельске (шесть интервью) в 2016 г.⁵ Данные регионы различаются по показателям социально-экономического развития [Регионы России, 2016], однако сопоставимы по доле многодетных семей [Прокофьева, Куприянова 2009b].

Дизайн исследования был разработан в логике обоснованной теории [Забаев 2011b], соответственно при его реализации была предпринята попытка собрать интервью с «разными» многодетными родителями: информанты различались по полу (9 мужчин, 16 женщин), возрасту (23–65 лет), количеству детей (3–15 детей), уровню образования (среди информантов были люди как с незаконченным средним, так и со средним специальным образованием, люди с несколькими высшими образованиями и учёными степенями), по субъективной оценке благосостояния и другим характеристикам (см. табл. П.1). Рекрутинг проводился несколькими способами: через ассоциации многодетных семей, церковные приходы, социальные сети участников проекта и информантов, принявших участие в исследовании. Использование нескольких точек входа в поле обуславливалось стремлением избежать смещений, которые могли бы возникнуть при поиске информантов только одним из перечисленных способов.

Гайд интервью включал широкий спектр вопросов и состоял из шести блоков: (1) биография информанта; (2) семья родителей информанта; (3) собственная семья информанта и круг его общения; (4) дети, их воспитание и отношения между ними; (5) возможная социальная поддержка для многодетных семей. Средняя длительность интервью составляла 1,5 часа.

⁵ Массив данных «50 глубинных интервью с родителями в многодетных семьях (2016)» был собран сотрудниками научной лаборатории «Социология религии» в рамках проекта «Рождаемость и социальные сети поддержки: исследование факторов создания многодетной семьи» (при реализации проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 1 апреля 2015 г. № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом Института социально-экономических и политических исследований — ИСЭПИ). Сбор интервью осуществлялся в январе — марте 2016 г. Для сбора интервью в Архангельске и Владимире были организованы поездки исследовательских групп из трех человек. В рамках данной статьи были проанализированы 25 интервью: из всего массива данных была составлена подвыборка по признакам пола, количества детей, места проживания, оценки благосостояния, религиозности (см. табл. П.1).

Во время всех интервью велась аудиозапись; была сделана расшифровка всех интервью. При анализе данных в транскриптах были выделены фрагменты, в которых информанты говорили о взаимодействиях со своим социальным окружением (в основном это были описания повседневных бытовых ситуаций и перехода к многодетности), которые затем были сгруппированы в более крупные тематические категории — социальное воздействие (заражение и давление), обучение и поддержка.

С учётом проведённого выше краткого обзора существующих исследований по теме можно перейти к описанию влияния сетевых связей на фертильное поведение (иначе говоря, к механизмам влияния на рождаемость).

Сетевые эффекты рождаемости в многодетных семьях

Социальное воздействие: заражение и давление

Под социальным воздействием (*social influence*) понимаются эффекты взаимосвязи с окружающими, как правило, заключающиеся в принуждении к следованию социальным нормам, конформности, сходству по характеристикам с людьми своего круга [Montgomery, Casterline 1996].

Понятие «социальное воздействие» является обобщающим для группы объяснений того, почему индивиды заимствуют ценностные установки «значимых других» [Rossier, Bernardi 2009]. Давление — это воздействие социального окружения на индивида, заключающееся в принуждении к следованию культурным и институциональным нормам [Bernardi, Klärner 2014]. Социальное заражение обозначает перенимание поведенческих моделей у тех членов социальной сети, которых индивид считает наиболее похожими на себя. Отличие от давления заключается в отсутствии нормативного воздействия на принятие решения о рождении ребёнка: при регулярном общении с близким кругом (по сильным связям) происходит синхронизация событий, связанных со сменой социального статуса (заключение брака, рождение ребёнка) [Bernardi 2003]. Однако если социальная сеть является достаточно разнородной и непостоянной по составу, то заимствование образцов поведения происходить не будет [Bernardi, Klärner 2014].

Для многодетных семей эффект социального воздействия является несколько противоречивым. Так, многодетные родители встречаются с непониманием и осуждением со стороны окружающих, в том числе и при взаимодействии с государственными учреждениями, например — медицинскими (подробно вопрос о рождаемости и медицине рассмотрен в статье И. В. Забаева [Забаев 2011a]). В представленных ниже фрагментах из интервью мать девяти детей, имеющая степень кандидата математических наук, называет многодетность «*исповедническим путём*» и описывает ряд бытовых ситуаций, в частности, оформление льгот, посещение поликлиники с ребёнком и постановку на учёт в женской консультации во время беременности, в которых ей приходилось сталкиваться с ярко выраженным осуждением («*нарожала, вот теперь и сиди в очереди*»), преодолевать обстоятельства («*не хочется добиваться того, что тебе положено, но приходится*»), демонстрировать приверженность выбранному стилю жизни (информант описывает ситуацию, когда при ожидании второго и третьего ребёнка врач в консультации настаивала на аборте):

Мне нужно было оформлять пособия по оплате квартиры <...> И вот я пришла, а то ли мне не с кем было идти, и я пришла с маленькой, ей было пять месяцев, причём я ехала на другой конец города, и всё это было непросто. Пришла за час до закрытия, а очередь большая и сидят бабульки старые, и я взмолилась в какой-то момент: не могли бы вы меня пустить... Она кушать хотела, все непросто было, и дело было зимой. Мне сказали: нарожала, вот теперь сиди в очереди. И мне было очень обидно слышать это всё;

А было такое один раз, что мы пришли в какую-то поликлинику. Набрались наглости и сказали, что мы многодетные и без очереди, а нам сказали: вот там ещё многодетные, и таких многодетных уже трое. Давайте один из очереди, другой многодетный, и для нас это было очень сильно. Не всегда пользуемся этим правом. И не хочется добиваться того, что тебе положено, но приходится, так у нас всё устроено;

У меня всегда были проблемы с врачами, огромные. У меня, с одной стороны, очередная беременность — это радость и счастье, а с другой — это кошмар, потому что я должна идти в женскую консультацию. Когда я приду, я должна буду выслушать... Они выльют ушат помоев на меня <...> И как-то так я подсчитывала, что уже пора. Чтобы не было вопросов, и никогда не было вопросов, поползновений: пойдём на аборт, потому что у меня так было со второй. А когда я пришла в третий раз к ней, она мне сказала: ну всё, пошли на аборт, прямо сейчас. Она считает, что у нас вместе со старшими год и три разница, врачи считают, что женский организм должен отдохнуть три года между родами (женщина, 39 лет, г. Москва, 9 детей).

Осуждение, как правило, связано с тем, что существует образ многодетной семьи как неблагополучной, малообеспеченной [Гришина 2006; Прокофьева, Куприянова 2009а]. Приведённая ниже цитата из интервью матери семерых детей является примером работы механизма социального давления, поскольку информант, несмотря на рождение большого количества детей, отдельно рефлексировала о восприятии большой семьи окружающими. Женщина говорит о необходимости «*держат марку многодетности*» из-за повышенного внимания к семьям с несколькими детьми, чему способствует редкость больших семей как явления:

Респондент. Мы, конечно, стараемся, чтобы было опрятно, чисто, насколько это возможно. Ещё опять же потому, что не только из-за внутренних каких-то своих убеждений, а потому, что всё-таки, как ни странно — ну, например, у нас в этом доме, — мы одни такие. И в соседнем доме, то есть у которых есть дети и так много, то есть больше трёх детей. То есть есть у нас, максимум три, два-три. И в садике мы одни такие. Понятно, что на нас как бы смотрят, и там осуждают — по-разному бывает, и как-то там оценивают, естественно.

Интервьюер. Вам это как-то высказывают?

Респондент. Конечно, по-разному бывает. Но иногда не мне это высказывают, но я вижу или там соседи приходят, потом рассказывают, что кто-нибудь кому-нибудь что-нибудь... А зачем вообще они столько рожают, зачем это надо? Это же без конца какие-то такие вопросы <...> Ну, в общем, как-то так, люди всё-таки смотрят и оценивают, мне кажется. Мы опять же должны держать... ну, грубо говоря... марку многодетности (женщина, 36 лет, г. Москва, 7 детей).

Социальное заражение проявляется при взаимодействии семьи с другими многодетными. Если в семейной социальной сети семьи, состоящей из совокупности контактов отдельных членов [Specht 1986], есть люди, положительно воспринимающие рождение ребенка, имеющие свои многодетные семьи или выросшие в больших семьях, и их опыт оценивается информантами как позитивный и вызывает желание подражания, то происходит заимствование поведенческих моделей. Отец троих детей описывает случай изменения мировоззрения на примере своего воцерковления: семья информанта начала больше общаться с многодетной семьёй, это общение было оценено положительно («*нам понравилось*»), что способствовало приходу информанта к вере и в дальнейшем к появлению в его семье третьего ребёнка:

Мы тогда даже не знали, что они (Друзья информанта, многодетная семья. — М. Г.) верующие, мы стали общаться, нам понравилось. Потом мы пришли к ним в гости. Она говорит: приходите, поговорим <...> И вот, то есть важно, да, конечно, если бы их не было, просто я бы замкнулся в своём этом вот, так сказать, в слепоте духовной (мужчина, 32 года, г. Владимир, 3 ребёнка).

Наиболее наглядно социальное заражение проявляется в перенимании способов действия и поведения в тех случаях, когда более молодая семья начинает взаимодействовать с более опытной, уже многодетной семьёй:

И потом, конечно, большой плюс — повлиял Олег со своей семьёй, с Любой (Многодетная семья с пятью детьми. — М. Г.). Мы к ним начали заходить, они нам начали объяснять, чего и как. И меня это начинало заинтересовывать. Я уже хочу (мужчина, 35 лет, г. Владимир, 3 ребёнка).

О похожем наблюдении упоминает в своей статье, посвящённой проблеме мотивации деторождения в современной России, И. В. Забаев, описывая случаи, когда воцерковлённые многодетные семьи становились примером для других семей, демонстрируя не просто декларирование, но и реализацию фертильных намерений, преодоление страхов и неопределённости [Забаев 2011а: 33].

Социальное обучение

Социальное обучение обозначает процесс получения знаний и навыков через взаимодействие с окружающими, то есть пополнение общего объёма сведений индивида по какому-либо вопросу, значимому для принятия решений о фертильном поведении, через персонифицированные источники (альтернативным, неперсонифицированным источником информации могут выступать средства массовой информации) [Montgomery, Casterline 1996; Голева, Павлюткин 2016]. Как отмечают Л. Бернарди и А. Клярнер, во взаимодействии индивид может приобретать информацию в ходе наблюдения за действиями и поведением людей из своего окружения, перенимать или отвергать их поведенческие модели [Bernardi, Klärner 2014]. Так, по сильным социальным связям, состоящим из родителей, братьев и сестёр, близких друзей, обучение происходит через (1) усвоение норм и представлений о семье и рождаемости в детстве, в процессе социализации; (2) наблюдение за жизнью семей с детьми из своего социального окружения, получение информации о семейной жизни и процессе воспитания ребёнка [Bernardi 2003]. Слабые же связи в основном способствуют получению новой информации о процессе детодержания⁶ и воспитания [Montgomery, Casterline 1996].

В приведённых ниже фрагментах интервью информанты описывают, как они осознавали, что смогут «сдюжить» воспитание нескольких детей или хотят иметь собственную большую семью, руководствуясь примером и «позитивным опытом» друзей с несколькими детьми или наблюдая за сверстниками, выросшими в многодетных семьях:

Ну я как-то для себя думала, что хотя бы два, но три... У наших друзей есть хороший такой опыт. У нас наши близкие друзья. Также достаточно поздно у них появились дети, и у них какой-то такой позитивный опыт. Они чуть-чуть постарше идут, а так близко к нашим детям. И мы, может быть, на них глядя, чтобы можно было как-то все это сдюжить (женщина, 41 год, г. Москва, 3 ребёнка);

⁶ Опыт детодержания — это совокупность навыков, «которые получает человек, если у него есть младшая сестра или младший брат (или несколько) и он вынужденно или добровольно осваивает техники общения с маленьким ребёнком, начиная от собственно общения и заканчивая уходом за ним» [Забаев et al. 2012].

И просто когда ты попадаешь в среду, где много многодетных, и ты видишь, что они живут хорошо, что, допустим, когда мы в гости к ним ходили, что они очень радушные, и что дети из многодетных семей, мои сверстники, они гораздо более развитые, чем мы (женщина, 26 лет, г. Москва, 3 ребёнка).

Социальная поддержка

В эмпирических исследованиях в качестве способствующих рождаемости рассматриваются не все виды ресурсов, а только эмоциональная поддержка и помощь по уходу за детьми [Balbo, Mills 2011a]. Подобного рода поддержка является значимой для принятия решения о рождении ребёнка. Такое решение обычно ассоциируется с длительными неопределёнными затратами, прогнозирование которых затруднительно. Наличие сетей поддержки и возможности получения помощи способствуют положительному решению о рождении ребёнка, обеспечивая ощущение безопасности и стабильности у индивида: социальные связи позволяют сократить издержки по уходу и воспитанию ребёнка [Bühler, Philipov 2005]. На основании количественных расчётов по панельной базе данных по Болгарии были сделаны выводы о том, что предоставляемые ресурсы могут быть как специфическими, актуальными только при наличии ребёнка (помощь по уходу за детьми или знание того, к кому можно обратиться за советом в случае каких-либо проблем с ребёнком), так и универсальными (например, деньги, время). Влияние специфических ресурсов на рождаемость является прямым, а воздействие универсальных — косвенным, создающим благоприятные условия для рождения ребёнка при сокращении экономической нестабильности и неопределённости для домохозяйства с детьми [Bühler, Philipov 2005].

В многодетных семьях наиболее интенсивное оказание поддержки происходит по сильным связям (родители и близкие друзья респондентов). Поддержка принимает такие формы, как инвестирование времени (например, в уход за детьми: присмотреть, отвезти на занятия), оказание материальной и денежной помощи (в частности, в собранных интервью встречались упоминания о том, что родители респондентов участвовали в приобретении квартиры или машины для семей с детьми). Мать семерых детей описывает поддержку со стороны своих родителей и родителей мужа следующим образом:

Бабушки у меня просто вот высший пилотаж, что называется. Это мало кому так везёт, потому что люди адекватные, они как бы верующие, там одна мама церковная, другая нет, но они совершенно понимающие, они принимают нас вот как многодетную семью, понимают, что нужна помощь, и полностью посвящены как бы нам <...> Мои бабушки — они все при деле. И дети все хорошие, и бабушки, причём адекватные, они всё понимают, что детям нужно, какие занятия, куда их надо водить, какие выставки. То есть у нас жизнь бьёт ключом (женщина, 40 лет, г. Москва, 7 детей).

Социальная поддержка может различаться по интенсивности. Так, проживающие поблизости от родителей одного из супругов (а не в отдалённых районах или в разных городах) семьи получают более регулярную помощь, поскольку родственники могут привлекаться в регулярном, повседневном порядке. Например, описание обычного дня матери троих сыновей свидетельствует о ежедневном участии бабушек и дедушек со стороны обоих супругов в воспитании внуков:

Ну вот утром муж уходит на работу, приходит мой папа, значит, я веду одного в школу, потом в сад, потом с малышом мы идём гулять днём, забираем из школы. Если там какие-то занятия, либо просто если мой папа здесь, он старается тоже подойти, чтобы как-то там... Потому что со старшим мы после школы где-то час гуляем. Средний пока в саду. Потом приезжает другой дедушка, этот дедушка идёт по своим делам или там готовит какой-то полдник, там сырники, или у него просто работа есть, она какое-то время занимает такое,

ограниченное. Дальше получается, что где-то тут, когда приходит время, мы ещё идём за средним. Дальше, ну уже у Вити занятия заканчиваются, мы возвращаемся. Потом малыши ещё раз идёт гулять, как правило, вот с папой Андрея, с бабушкой. Либо если его нет, то с кем-то из нас, со мной или с моим папой. Бабушки у нас не гуляют в принципе. Они боятся, что они не справятся, им тяжело (женщина, 44 года, г. Москва, 3 ребёнка).

Другая многодетная мама описывает помощь со стороны своих родителей как менее регулярную, скорее эпизодическую, а со стороны родителей мужа — как точечную, что обусловливается и проживанием семей в разных частях города, и возрастом:

Родители мои помогают. Ну, как, они помогают... Когда какой-то криминал, во-первых, когда мне нужно срочно к врачу, они могут приехать посидеть. Каждый раз, когда я была в роддоме, отдыхала, они выпасали остальных. Ну, у меня дети все летние, поэтому выпасать приходилось на даче, в общем, это было несложно. И они с ними ездят на каникулы. Вот, поскольку у нас сейчас материальное положение такое не очень, у родителей получше, поэтому они берут наших девочек старших и ездят с ними. При этом мы сидим дома и занимаемся домашними делами, которыми — ну, тоже с детьми... Не всё получается сделать дома, что запланируешь. Родители мужа сначала помогали очень, ну в том плане, что посидеть, поиграть, пока мне там куда-то надо уехать, но они, во-первых, живут, вот мы здесь, а они на Юго-Западе. Мои родители живут всё-таки ближе. Во-вторых, родители мужа намного старше, им за 80 уже, то есть у них муж мой тоже ребёнок достаточно поздний, второй, у него вот брату уже за 50 (женщина, 44 года, г. Москва, 3 ребёнка).

Следует отметить, что интенсивность помощи может определяться также отношением родителей респондентов к многодетности как явлению, и это может проявляться, в частности, в том, что если из двух дочерей одна многодетная, а другая нет, бабушка, не воспринимающая многодетность положительно, будет активнее поддерживать вторую семью. В таких случаях происходит актуализация неродственных сетей поддержки и взаимопомощи (знакомые и друзья семьи) или же родители стараются справляться сами. Информанты описывали ситуации, когда их друзья помогали решить вопрос с экстренным поиском съёмной квартиры (приглашали к себе пожить), помогали с переездом или присматривали за детьми (например, при возникновении необходимости срочно отвезти к врачу одного из детей), организовывали совместное посещение детьми занятий (отец отвозил в школу не только своих детей, но и их одноклассников).

При этом, говоря о социальной поддержке со стороны друзей, многодетные родители подчёркивают роль «среды», социального окружения, разделяющего ценности, взгляды, подход к жизни. В данном случае речь идёт, скорее, об эмоциональной поддержке, помогающей многодетным родителям преодолевать социальное давление:

Да, то есть это устойчивый стереотип, в обществе он существовал и существует. Поэтому любая многодетная семья — она проходит через такие испытания социальные. И ещё тебя спасает то, что твоя среда ровесников это разделяет, это ещё важно. А если человек находится в среде другой, то ему ещё сложнее, потому что он будет на работе насмешки испытывать там (мужчина, 42 года, г. Москва, 8 детей).

Ограничения исследования

В завершении работы хотелось бы обозначить ряд ограничений исследования.

На представленный в начале текста вопрос можно предложить три варианта ответа: социальные сети могут (1) способствовать, (2) препятствовать и (3) не влиять на рождение третьего и последующих детей. Однако такие ответы не проясняют содержательную механику процесса воздействия или его отсутствия, поэтому в качестве информантов выступили люди, уже осуществившие переход к многодетности: несмотря на то что при этом сокращалась вероятность выявления негативного влияния на рождаемость, такая выборка позволила более внимательно рассмотреть случаи семей с реализованными намерениями о рождении третьего и последующих детей. Пожалуй, исследование выиграло бы от проведения сопоставления случаев многодетных семей и семей с одним-двумя детьми, не осуществивших переход к многодетности: это позволило бы более аргументированно говорить о негативном воздействии социальных сетей на рождаемость. В то же время социальное окружение не является единственным фактором, влияющим на принятие решения о рождении следующего ребёнка: так, родители могут руководствоваться экономическими и медицинскими аргументами. Кроме того, речь может идти и о наличии или отсутствии мотивации к деторождению, а также об изменении взглядов с течением времени. Однако представляется, что вопрос о первичности какого-то одного из факторов, в частности — воздействия социальных сетей и внутренних установок индивидов, риторичен. Так, на имеющемся эмпирическом материале затруднительно определить, стали ли информанты многодетными, потому что уже были включены в специфические социальные сети или сеть семьи образовалась после появления третьего ребёнка, потому что оба этих процесса присутствуют в нарративах информантов в качестве событий, относящихся к прошлому. Именно поэтому данная работа сфокусирована на механике работы социальных сетей.

Заключение

Приобретение статуса «многодетная семья», рождение третьего и последующих детей — непростой переход для семьи. Он сопровождается, во-первых, изменениями внутри семьи (трансформация организации семейной жизни, в частности повышение нагрузки на социальные связи между членами семьи⁷); во-вторых, воздействием социального окружения, например — поддержкой или непониманием со стороны друзей, родственников и коллег, сложностями при взаимодействии с государственными учреждениями (в частности при посещении медицинских учреждений, получении справок, оформлении льгот).

На основании интервью с многодетными родителями можно говорить об укоренённости больших семей в социальных сетях: такое родительство едва ли возможно «в одиночку», без поддержки со стороны социального окружения. Кроме того, собранные данные позволяют утверждать, что многодетная семья далеко не всегда выключена из социальной активности. Большая семья также может являться генератором социального капитала (то есть быть генеративной⁸), реципрокности (например — за счёт практик взаимобмена и взаимовыручки) [Врублевская 2016], доверия в обществе.

⁷ Дж. Боссард описывает закон внутрисемейного взаимодействия, в соответствии с которым с увеличением числа детей значительно растёт количество возможных связей между членами семьи: первый ребёнок воспитывается только родителями, второй — и родителями, и первым ребёнком, а третий — родителями и двумя старшими детьми [Bossard 1945].

⁸ По П. Донати, «чтобы быть генеративной, пара должна иметь “рефлексивные отношения”, то есть осознавать свои отношения как благо и ориентироваться на “Мы-отношения”» [Маркина 2015: 51].

В то же время не все социальные связи многодетной семьи способствуют рождаемости: как было отмечено выше, большие семьи нередко сталкиваются с социальным давлением, негативным восприятием наличия нескольких детей. Значимой для рождения детей является среда, состоящая из многодетных семей или людей, положительно оценивающих многодетность, обладающих потенциалом для того, чтобы выступать в качестве примера для других, и ресурсами поддержки (подразумевается как обмен материальными предметами, например, детскими вещами, так и информацией — советами, рекомендациями по воспитанию и организации семейной жизни).

Подводя итоги, следует отметить ещё одно тематическое направление, в рамках которого можно рассматривать вопрос о воздействии социальных связей на рождаемость. Рождение и воспитание ребёнка могут быть представлены как комплексные процессы, способствующие изменениям организации семейной жизни [Bossard 1945], реализация которых требует от родителей значительных затрат и разнообразных ресурсов в течение длительного времени. В силу этого ребёнок может восприниматься родителями как рискованный проект: на каждом этапе его жизни родители испытывают такие эмоции и переживания, как тревога, страх, беспокойство [Забаев et al. 2012: 46–54]. Данный тезис рассматривается в социологических исследованиях деторождения [Cartwright, Thomas 2001; Мельникова 2012; Бороздина 2014; Scamell 2014; Тёмкина 2017]. Соответственно возникает вопрос о том, как могут быть сглажены риски, связанные с переходом к родительству и воспитанием детей. В социологической литературе вопрос о сокращении рисков нередко обсуждается в контексте актуализации социальных сетей: вопросами о значении личных контактов, рекомендаций, знакомств для хозяйственной деятельности занимались как классики экономической социологии (К. Поланьи, М. Грановеттер, В. Зелисер), так и современные исследователи (В. В. Радаев, С. Ю. Барсукова и др.) (см. подробнее: [Малкова 2009: 111–112]).

Таким образом, может быть сформулирована гипотеза о том, что в контексте рождаемости функцию снижения рисков выполняют социальные сети за счёт передачи информации, обмена опытом, нормативного принуждения, получения помощи и поддержки. Однако подобный тезис требует дальнейшей проверки как на качественных, так и на количественных данных.

Приложение

Описание респондентов

Таблица П.1

№	Пол	Возраст (полных лет)	Количество детей	Количество братьев и (или) сестёр	Место проживания	Место рождения	Образование (специальность)	Оценка благосостояния (субъективная)	Вероисповедание	Религиозность (посещение служб)	Брак
1	М	41	7	0	Подмосковье	Москва	Среднее специальное	Среднее	Православие	Регулярно	Женат, второй брак
2	Ж	36	4	1	Подмосковье	Башкортостан	Высшее режиссёрское	Выше среднего	Ислам	Регулярно	Замужем, первый брак
3	Ж	36	7	0	Москва	Москва	Высшее	Среднее	Православие	Регулярно	Замужем, первый брак
4	Ж	39	9	1	Москва	Москва	Кандидат наук	Ниже среднего	Православие	Регулярно	Замужем, первый брак
5	М	65+	15	2	Москва	Другой город	Высшее экономическое	Ниже среднего	Старообрядчество	Регулярно	Женат, первый брак
6	Ж	44	3	2	Москва	Москва	Высшее, кандидат наук	Среднее	<i>Нет данных</i>	<i>Нет данных</i>	Замужем, первый брак
7	Ж	40	7	0	Москва	Москва	Высшее экономическое, получает второе высшее	Среднее	Православие	Регулярно	Замужем, первый брак
8	М	42	8	1	Москва	Москва	Два высших образования — врач, реставратор	Среднее	Православие	Регулярно	Женат, первый брак
9	М	44	5	0	Архангельск	Воронеж	Незаконченное высшее	Выше среднего	Православие	Регулярно	Женат, второй брак
10	Ж	40	5	1	Архангельск	Архангельск	Среднее специальное	Среднее	Православие	Регулярно	Замужем, первый брак
11	Ж	47	5	1	Архангельск	Архангельск	Высшее педагогическое	Ниже среднего	Православие	Регулярно	Замужем, первый брак
12	М	40 +	9	1	Архангельск	Архангельск	Неполное среднее	Среднее	Православие	Регулярно	Женат, первый брак
13	М	35	6	2	Архангельск	Архангельск	Высшее медицинское	Выше среднего	Православие	Регулярно	Женат, первый брак
14	Ж	55+	6 (своих 3)	<i>Нет данных</i>	Архангельск	Архангельск	Высшее, режиссёрское	Низкое	Православие	Регулярно	Замужем, второй брак (два ребёнка в первом браке)

Таблица П.1. Окончание

№	Пол	Возраст (полных лет)	Количество детей	Количество братьев и (или) сестёр	Место проживания	Место рождения	Образование (специальность)	Оценка благосостояния (субъективная)	Вероисповедание	Религиозность (посещение служб)	Брак
15	Ж	34	4	1	Владимир	Тюмень	Высшее, дизайнер	Ниже среднего	Православие	Редко	Замужем, первый брак
16	М	32	3	<i>Нет данных</i>	Владимир	Владимир	Среднее специальное, повар	Среднее	Православие	Регулярно	Женат, первый брак
17	М	35	3	2	Владимир	Владимир Вязники	Среднее специальное, строитель	Среднее	Православие	Регулярно	Женат, первый брак
18	Ж	38	3	0	Москва	Москва	Три образования — педагогическое, управление персоналом, MBA	Выше среднего	Не религиозная	<i>Нет данных</i>	Замужем, второй брак
19	Ж	43	3	1	Москва	Элиста, Калмыкия	Высшее техническое	Выше среднего	Не религиозная	Не посещает	Замужем, второй брак
20	Ж	26	3	1	Москва	Москва	Высшее	Среднее	Православие	Регулярно	Замужем, первый брак
21	Ж	41	3	1	Москва	Москва	Высшее техническое	Выше среднего	<i>Нет данных</i>	<i>Нет данных</i>	Замужем, первый брак
22	М	40	3	0	Москва	Москва	Высшее	Среднее	Православие	Нет, но венчались	Женат, первый брак
23	Ж	39	4	1	Москва	Алматы, Казахстан	Высшее, медицинское	Выше среднего	Православие (муж — мусульманин)	Редко	Замужем, первый брак
24	Ж	23	3	2	Гороховец	Гороховец	Незаконченное среднее (9 классов)	Ниже среднего (живут в общности)	Православие (у детей есть крестный)	Не посещает	Не замужем (два ребёнка в первом браке; третий — в сожительстве)
25	Ж	55 +	3	5	Гороховец	Гороховец	Высшее, медицинское	Среднее	Православие	Регулярно, но сейчас реже	Замужем, первый брак

Литература

- Барсукова С. Ю. 2005. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования. *Социологические исследования*. 8: 34–45.
- Беккер Г. 2003. Эволюция семьи. В кн.: Беккер Г. *Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход*. М.: Изд. дом ВШЭ; 411–436
- Бороздина Е. 2014. Язык науки и язык любви: легитимация независимой акушерской практики в России. *Laboratorium*. 6 (1): 30–59. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/373/1008>
- Бурдьё П. 2002. Формы капитала. *Экономическая социология*. 3 (5): 60–74. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
- Вовк Е. 2007а. Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение. *Социальная реальность*. 1: 20–26. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit05.php>
- Вовк Е. 2007б. Образы многодетной семьи в современном обществе. Многодетность как ценность и практика. *Социальная реальность*. 3: 33–46. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-237.pdf>
- Врублевская П. 2016. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена. *Религиоведческие исследования*. 1 (13): 103–127.
- Голева М. А., Павлюткин И. В. 2016. Социальные сети и рождаемость. *Экономическая социология*. 17 (1): 83–98. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/01/31/1136959333/1ecsoc_t17_n1.pdf#page=83
- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44
- Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей. *Экономическая социология*. 10 (4): 31–50. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf
- Гришина Ю. В. 2006. Малообеспеченные семьи. В кн.: Гурко Т. А. (отв. ред.) *Актуальные проблемы семей в России*. М.: Институт социологии РАН; 58–73. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/463/700/1219/Gurko-2006_razdel1.pdf
- Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. 2017. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? *Экономический журнал ВШЭ*. 1 (21): 145–187. URL: <https://ej.hse.ru/data/2017/04/03/1168598795/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf>
- Забаев И. В. 2011а. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера. *Социология: 4М*. 32: 124–142. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/08/20/1265223821/%D0%97%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2.pdf>
- Забаев И. В. 2011б. Рациональность, ответственность, медицина: проблема мотивации деторождения в России в начале XXI в. *Экономическая социология*. 12 (2): 21–48. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552522/ecsoc_t12_n2.pdf#page=21

- Забаяев И. В. et al. 2012. *Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания*. М.: ПСТГУ.
- Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 3: 21-139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf>
- Малкова М. А. 2009. Формальные и неформальные стратегии снижения риска: страхование vs накопления социального капитала. *Экономическая социология*. 10 (1): 109–126. URL: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204983/ecsocJanuary2009\[1\].pdf#page=109](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204983/ecsocJanuary2009[1].pdf#page=109)
- Маркина И. В. 2015. Реляционная социология Пьерпаоло Донати. *Научный результат*. Серия «Социология и управление». 1 (3): 43–54. URL: <http://rrsociology.ru/media/sociology/2015/3/soc5.pdf>
- Мельникова О. 2012. Переопределение родовспоможения в родительских Интернет-дискуссиях (на примере томского форума). *Журнал исследований социальной политики*. 10 (3): 361–376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3472>
- Назарова И. Б. 2000. Преемственность поколений в многодетной семье: репродуктивные установки и социализация подростков. *Рубеж (альманах социальных исследований)*. 15: 242–252. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/444/927/1219/nAZAROWA.pdf>
- Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. 2009. Большая семья в демографической ситуации в России. *Социологические исследования*. 3: 121–128. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-03/Paziorkovsky.pdf>
- Прокофьева Л., Куприянова Е. 2009а. Многодетная семья в России. *Демоскоп Weekly*. 373–374. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php>
- Прокофьева Л., Куприянова Е. 2009б. География многодетности. *Демоскоп Weekly*. 373–374. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php>
- Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2016. *Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/Main.htm
- Скотт Дж. 1999. Моральная экономика деревни. В кн.: Шанин Т. (отв. ред.) *Неформальная экономика. Россия и мир*. М.: Логос; 541–544.
- Сухова А. С. et al. 2013. *Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты*. Вып. 12. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Тёмкина А. А. 2017. «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка. *Экономическая социология*. 18 (3): 14–53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/05/31/1172172613/ecsoc_t18_n3.pdf#page=14
- Шевченко И. О., Шевченко П. В. 2005. Большая семья — какая она? *Социологические исследования*. 1: 95–101.

- Штейнберг И. Е. 2009. Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах. *Экономическая социология*. 10 (2): 62–75. URL: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009\[2\].pdf#page=62](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009[2].pdf#page=62)
- Штейнберг И. Е. 2010. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки. *Социологические исследования*. 5: 40–50.
- Balbo N., Barban N. 2014. Does Fertility Behavior Spread among Friends? *American Sociological Review*. 79 (3): 412–431. doi: 10.1177/000312241
- Balbo N., Barban N., Mills M. 2012. *Family, Friends, and Fertility*. Groningen: Heymans Institute. Faculty of Behavioural and Social Sciences; University of Groningen. URL: <http://www.rug.nl/research/portal/files/10456997/BalboDissertationFinal.pdf>
- Balbo N., Mills M. 2011a. The Effects of Social Capital and Social Pressure on the Intention to Have a Second or Third Child in France, Germany, and Bulgaria, 2004–2005. *Population Studies*. 65 (3): 335–351.
- Balbo N., Mills M. 2011b. The Influence of the Family Network on the Realization of Fertility Intentions. *Vienna Yearbook of Population Research*. 9 (1): 179–205. URL: http://epub.oeaw.ac.at/0xc1aa500d_0x002a70fb
- Berinde D. 1999. Pathways to a Third Child in Sweden. *European Journal of Population*. 15 (4): 349–378.
- Berghammer C. 2009. Religious Socialization and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands. *European Journal of Population*. 25 (3): 297–324.
- Bernardi L. 2003. Channels of Social Influence on Reproduction. *Population Research and Policy Review*. 22 (5/6): 527–555.
- Bernardi L., Keim S., Klärner A. 2014. Social Networks, Social Influence, and Fertility in Germany: Challenges and Benefits of Applying a Parallel Mixed Methods Design. In: Domínguez S., Hollstein B. (eds) *Mixed-Methods Social Networks Research. Design and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press; 121–152. URL: https://www.researchgate.net/publication/265995452_Social_networks_social_influence_and_fertility_in_Germany_a_mixed-method_research_design
- Bernardi L., Klärner A. 2014. Social Networks and Fertility. *Demographic Research*. 30(22): 641–670. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol30/22/30-22.pdf>
- Bolíbar M. 2016. Macro, Meso, Micro: Broadening the ‘Social’ of Social Network Analysis with a Mixed Methods Approach. *Quality & Quantity*. 50 (5): 2217–2236. doi: 10.1007/s11135-015-0259-0.
- Bossard J. H. 1945. The Law of Family Interaction. *American Journal of Sociology*. 50 (4): 292–294.
- Bott E. 1957. *Family and Social Networks*. London: Tavistock.
- Bühler C., Philipov D. 2005. Social Capital Related to Fertility: Theoretical Foundations and Empirical Evidence from Bulgaria. *Vienna Yearbook of Population Research*. 3: 53–81.
- Cartwright E., Thomas J. 2001. Constructing Risk: Maternity Care, Law, and Malpractice. In: Devries R. et al. (eds) *Birth by Design. Pregnancy, Maternity Care and Midwifery in North America and Europe*. New York: Routledge; 281–288.

- Ciliberto F. et al. 2016. Playing the Fertility Game at Work: an Equilibrium Model of Peer Effects. *International Economic Review*. 57(3): 827–856. doi:10.1111/iere.12177.
- Downey D. B. 1995. When Bigger Is Not Better: Family Size, Parental Resources, and Children's Educational Performance. *American Sociological Review*. 60 (5): 746–761. URL: <http://www.jstor.org/stable/2096320>
- Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. 2003. The Emergence and Development of Life Course Theory. In: Mortimer J. T., Shanahan M. J. *Handbook of the Life Course*. New York: Kluwer Academic; 3–19.
- Keim S., Klärner A., Bernardi L. 2009a. Who is Relevant? Exploring Fertility Relevant Social Networks. *Working Papers of the Max Planck Institute for Demographic Research*. URL: <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2009-001.pdf>
- Keim S., Klärner A., Bernardi L. 2009b. Fertility-Relevant Social Networks: Composition, Structure, and Meaning of Personal Relationships for Fertility Intentions. *Working Papers of the Max Planck Institute for Demographic Research*. URL: <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2009-006.pdf>
- Keim S., Klärner A., Bernardi L. 2009c. Qualifying Social Influence on Fertility Intentions. Composition, Structure and Meaning of Fertility-relevant Social Networks in Western Germany. *Current Sociology*. 57 (6): 88–907.
- Kohler H. P., Behrman J. R., Watkins S. C. 2001. The Density of Social Networks and Fertility Decisions: Evidence from South Nyanza District, Kenya. *Demography*. 38 (1) 43–58.
- Madhavan S., Adams A., Simon D. 2003. Women's Networks and the Social World of Fertility Behavior. *International Family Planning Perspectives*. 2: 58–68. doi:10.2307/3181059.
- Monkediek B., Bras H. 2018. Family Systems and Fertility Intentions: Exploring the Pathways of Influence. *European Journal of Population*. 34 (1): 33–57. doi: 10.1007/s10680-017-9418-4.
- Montgomery M. R., Casterline J. B. 1996. Social Learning, Social Influence, and New Models of Fertility. *Population and Development Review*. 22: 151–175. doi:<http://doi.org/10.2307/2808010>.
- Rossier C., Bernardi L. 2009. Social Interaction Effects on Fertility: Intentions and Behaviors. *European Journal of Population*. 25 (4): 467–485.
- Rözer J., Poortman A.-R., Mollenhorst G. 2017. The Timing of Parenthood and Its Effect on Social Contact and Support. *Demographic Research*. 36 (62): 1889–1916. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/62/36-62.pdf>
- Scamell M. 2014. Childbirth within the Risk Society. *Sociology Compass*. 8 (7): 917–928. URL: <https://doi.org/10.1111/soc4.12077>
- Specht H. 1986. Social Support, Social Networks, Social Exchange, and Social Work Practice. *Social Service Review*. 60 (2): 218–240. URL: <http://www.jstor.org/stable/30012339>
- Sussman M. B., Burchinal L. 1962. Kin Family Network: Unheralded Structure in Current Conceptualizations of Family Functioning. *Marriage and Family Living*. 24 (3): 231–240. URL: <http://www.jstor.org/stable/349136>

Tanskanen A. et al. 2014. Grandparental Effects on Fertility Vary by Lineage in the United Kingdom. *Human Nature*. 25 (2): 269–284. doi:[10.1007/s12110-014-9200-9](https://doi.org/10.1007/s12110-014-9200-9).

Unger D. G., Powell D. R. 1980. Supporting Families under Stress: The Role of Social Networks. *Family Relations*. 29 (4): 566–574. URL: <http://www.jstor.org/stable/584473>

DEBUT STUDIES

Mariia Goleva

The Effects of Social Network on Fertility: The Case of Large Families in Russia

GOLEVA, Mariia — junior research fellow, Research Laboratory “Sociology of Religion”, Saint Tikhon’s Orthodox University. Address: 23B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: m.goleva@mail.ru

Abstract

The article attempts to answer the question: “How do large families appear in the contemporary world despite economic, social, and institutional constraints?” The study’s thesis focuses on the meso-level (social ties) in the research of processes of fertility. Results show that the typology of mechanisms affecting fertility behavior is based on the tradition of family research in the logic of social network analysis; this is relevant and productive for family studies.

The analysis of 25 in-depth interviews with parents from large families reveals several conclusions about the functioning of the mechanisms affecting fertility behavior in the context of modern Russia. The interviews were conducted in Arkhangelsk, Moscow, Moscow region, and Vladimir region and were analyzed according to the Grounded Theory methodology. Data analysis showed that such processes as social contagion, social pressure, social learning, and social support expand the possibilities for a transition to a family with many children. Large families exist in a specific context, formed by the intersection of social ties, which include both existing contacts (kinship, friendship, parish) and emerging contacts on the basis of public organizations (e.g., centers of children’s creativity or family associations). In addition, a large family may become a generator of social capital, reciprocity, and trust in society.

The data present fertility as a process embedded in social networks, offer a number of answers to the question “How do social networks influence fertility in large families?”, as well as identify perspectives for further research.

Keywords: social capital; social networks; mechanisms affecting fertility behavior; network effects on fertility; social network resources; large families.

Acknowledgements

The project was supported by the Russian Science Foundation in a form of a grant (project № 18-78-10089). The grant was given to Saint Tikhon’s Orthodox University.

I am very grateful to I. Pavlyutkin for the discussion of the drafts of this article and for valuable comments. I also express my gratitude to the anonymous reviewers for their recommendations for the improvement of the text.

References

Balbo N., Barban N. (2014) Does Fertility Behavior Spread among Friends? *American Sociological Review*, vol. 79, no 3, pp. 412–431. doi: [10.1177/000312241](https://doi.org/10.1177/000312241)

- Balbo N., Barban N., Mills M. (2012) *Family, Friends, and Fertility*, Groningen: Heymans Institute. Faculty of Behavioural and Social Sciences; University of Groningen. Available at: <http://www.rug.nl/research/portal/files/10456997/BalboDissertationFinal.pdf> (accessed 20 March 2018).
- Balbo N., Mills M. (2011a) The Effects of Social Capital and Social Pressure on the Intention to Have a Second or Third Child in France, Germany, and Bulgaria, 2004–2005. *Population Studies*, vol. 65, no 3, pp. 335–351.
- Balbo N., Mills M. (2011b) The Influence of the Family Network on the Realization of Fertility Intentions. *Vienna yearbook of population research*, vol. 9, pp. 179–205. Available at: http://epub.oeaw.ac.at/0xc1aa500d_0x002a70fb (accessed 20 March 2018).
- Barsukova S. (2005) Setevyye obmeny rossiyskikh domokhozyaystv: opyt empiricheskogo issledovaniya [Social Network Exchanges of Russian Households: an Experience of Empirical Research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 8, pp. 34–45 (in Russian).
- Becker G. (2003) Evolyutsiya sem'i [Evolution of Family]. *Izbrannyye trudy po ekonomicheskoy teorii. Chelovecheskoye povedeniye. Ekonomicheskyy podkhod* [Selected Works on Economic Theory. Human Behavior. Economic Approach], Moscow: HSE Publishing House, pp. 411–436 (in Russian).
- Berghammer C. (2009) Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands. *European Journal of Population*, vol. 25, no 3, pp. 297–324.
- Berinde D. (1999) Pathways to a Third Child in Sweden. *European Journal of Population*, vol. 15, no 4, pp. 349–378.
- Bernardi L. (2003) Channels of Social Influence on Reproduction. *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no 5/6, pp. 527–555.
- Bernardi L., Keim S., Klärner A. (2014) Social Networks, Social Influence, and Fertility in Germany: Challenges and Benefits of Applying a Parallel Mixed Methods Design. *Mixed-Methods Social Networks Research. Design and Applications* (eds.: S. Domínguez, B. Hollstein). Cambridge: Cambridge University Press, pp. 121–152. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265995452_Social_networks_social_influence_and_fertility_in_Germany_a_mixed-method_research_design (accessed 21 March 2018).
- Bernardi L., Klärner A. (2014) Social Networks and Fertility. *Demographic Research*, vol. 30, no 22, pp. 641–670. Available at: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol30/22/30-22.pdf> (accessed 21 March 2018).
- Bolíbar M. (2016) Macro, Meso, Micro: Broadening the 'Social' of Social Network Analysis with a Mixed Methods Approach. *Quality & Quantity*, vol. 50, no 5, pp. 2217–2236. doi: 10.1007/s11135-015-0259-0 (accessed 3 June 2018).
- Borozdina E. (2014) Yazyk nauki i yazyk lyubvi: legitimatsiya nezavisimoy akusherskoy praktiki v Rossii [Language of Science and Language of Love: The Legitimation of Independent Midwifery Practice in Russia]. *Laboratorium*, vol. 6, no 1, pp. 30–59. Available at: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/373/1008> (accessed 19 October 2018) (in Russian).
- Bossard J. H. (1945) The Law of Family Interaction. *American Journal of Sociology*, vol. 50, no 4, pp. 292–294.

- Bott E. (1957) *Family and Social Networks*, London: Tavistock.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of Capital]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 5. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 27 March 2018) (in Russian).
- Bühler C., Philipov D. (2005) Social Capital Related to Fertility: Theoretical Foundations and Empirical Evidence from Bulgaria. *Vienna Yearbook of Population Research*, vol. 3, pp. 53–81.
- Cartwright E., Thomas J. (2001) Constructing Risk: Maternity Care, Law, and Malpractice. *Birth by Design. Pregnancy, Maternity Care and Midwifery in North America and Europe* (eds. R. Devries, C. Benoit, E. van Teijlingen, S. Wrede), New York: Routledge, pp. 281–228.
- Ciliberto F., Miller A. R., Nielsen H. S., Simonsen M. (2016) Playing the Fertility Game at Work: an Equilibrium Model of Peer Effects. *International Economic Review*, vol. 57, no 3, pp. 827–856. doi:10.1111/iere.12177 (accessed 3 June 2018).
- Coleman J. (2001) Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social Capital: A Multifaceted Perspective]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, iss. 3, pp. 21–139. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (accessed 18 October 2018) (in Russian).
- Downey D. B. (1995) When Bigger Is Not Better: Family Size, Parental Resources, and Children's Educational Performance. *American Sociological Review*, vol. 60, no 5, pp. 746–761. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2096320> (accessed 20 March 2018).
- Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course* (eds. J. T. Mortimer, M. J. Shanahan), New York: Kluwer Academic, pp. 3–19.
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. [Federal State Statistics Service] (2016) *Regiony Rossii. Osnovnyye sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli gorodov – 2016 (statisticheskii sbornik)* [Russian Regions. Basic socio-economic indicators of cities' development – 2016 (Data Book)]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/Main.htm (accessed 18 October 2018) (in Russian).
- Goleva M., Pavlyutkin I. (2016) Sotsial'nyye seti i rozhdayemost' [Social Networks and Fertility]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 1, no 17, pp. 83–98. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/01/31/1136959333/1ecsoc_t17_n1.pdf#page=83 (accessed 3 June 2018) (in Russian).
- Granovetter M. S. (2002) Ekonomicheskoye deystviye i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 3, pp. 44–58 Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44 (accessed 3 June 2018) (in Russian).
- Granovetter M. S. (2009) Sila slabykh svyazey [The Strength of Weak Ties]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 4, pp. 31–50. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf (accessed 18 September 2018) (in Russian).

- Grishina U. (2006) Maloobespechennyye sem'i [Low-Income Families]. *Aktual'nyye problemy semey v Rossii* [Actual Problems of Families in Russia] (ed. T. A. Gurko), Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, pp. 58–73. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/463/700/1219/Gurko-2006_razdel1.pdf (accessed 9 September 2018) (in Russian).
- Keim S., Klärner A., Bernardi L. (2009a) *Fertility-Relevant Social Networks: Composition, Structure, and Meaning of Personal Relationships for Fertility Intentions*. Working Papers of the Max Planck Institute for Demographic Research. Available at: <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2009-006.pdf> (accessed 22 March 2018).
- Keim S., Klärner A., Bernardi L. (2009b) Qualifying Social Influence on Fertility Intentions. Composition, Structure and Meaning of Fertility-relevant Social Networks in Western Germany. *Current Sociology*, vol. 57, no 6, pp. 88–97.
- Keim S., Klärner A., Bernardi L. (2009c) *Who is relevant? Exploring fertility relevant social networks*. Working Papers of the Max Planck Institute for Demographic Research. Available at: <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2009-001.pdf> (accessed 22 March 2018).
- Kohler H. P., Behrman J. R., Watkins S. C. (2001) The Density of Social Networks and Fertility Decisions: Evidence from South Nyanza District, Kenya. *Demography*, vol. 38, no 1, pp. 43–58.
- Madhavan S., Adams A., Simon D. (2003) Women's Networks and the Social World of Fertility Behavior. *International Family Planning Perspectives*, vol. 2, pp. 58–68. doi:10.2307/3181059 (accessed 3 June 2018).
- Malkova M. (2009) Formal'nyye i neformal'nyye strategii snizheniya riska: strakhovaniye vs nakopleniya sotsial'nogo kapitala [Formal and Informal Strategies for Decreasing Risk: Insurance vs Accumulation of Social Capital]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 1, pp. 109–126. Available at: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204983/ecsocJanuary2009\[1\].pdf#page=109](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204983/ecsocJanuary2009[1].pdf#page=109) (accessed 3 June 2018) (in Russian).
- Markina I. V. (2015) Relyatsionnaya sotsiologiya P'yerpaolo Donati [Relational Sociology of Pierpaolo Donati]. *Scientific Result. Series "Sociology and management"*, vol. 1, no 3, pp. 43–54. Available at: <http://rrsociology.ru/media/sociology/2015/3/soc5.pdf> (accessed 3 June 2018) (in Russian).
- Melnikova O. (2012) Pereopredeleniye rodovspomozheniy v roditel'skikh Internet-diskussiyakh (na primere tomskogo foruma) [Redefining the Obstetrics in the Parental Internet-Discussions (on Example of Tomsk Forum)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = The Journal of Social Policy Studies*, vol. 10, no 3, pp. 361–376. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3472> (accessed 19 October 2018) (in Russian).
- Monkediek B., Bras H. (2018) Family Systems and Fertility Intentions: Exploring the Pathways of Influence. *European Journal of Population*, vol. 34, no 1, pp. 33–57. doi: 10.1007/s10680-017-9418-4 (accessed 3 June 2018).
- Montgomery M. R., Casterline J. B. (1996) Social Learning, Social Influence, and New Models of Fertility. *Population and Development Review*, vol. 22: pp. 151–175. doi:<http://doi.org/10.2307/2808010> (accessed 3 June 2018).
- Nazarova I. (2000) Preyemstvennost' pokoleniy v mnogodetnoy sem'ye: reproduktivnyye ustanovki i sotsializatsiya podrostkov [Intergenerational Solidarity in Large Family: Reproductive Attitudes and Socializa-

- tion of Adolescents]. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy) = Frontier (Almanac of Social Studies)*, no 15, pp. 242–252 (in Russian).
- Paciorkovsky V., Paciorkovskaya V. (2009) Bol'shaya sem'ya v demographicheskoy situatsii v Rossii [A Large Family in the Demographic Situation in Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 3, pp. 121–128 Available at: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-03/Paziorkovsky.pdf> (accessed 25 September 2018) (in Russian).
- Prokofieva L., Kupriyanova E. (2009a) Mnogodetnaya sem'ya v Rossii [Large Family in Russia]. *Demoscope Weekly*, no 373–374. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php> (accessed 25 September 2018) (in Russian).
- Prokofieva L., Kupriyanova E. (2009b) Geografiya mnogodetnosti [Geography of large families]. *Demoscope Weekly*, no 373–374. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php> (accessed 25 September 2018) (in Russian).
- Rossier C., Bernardi L. (2009) Social Interaction Effects on Fertility: Intentions and Behaviors. *European Journal of Population*, vol. 25, no 4, pp. 467–485.
- Rözer J., Poortman A.-R., Mollenhorst G. (2017) The Timing of Parenthood and Its Effect on Social Contact and Support. *Demographic Research*, vol. 36, art. 32, pp. 1889–1916. Available at: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/62/36-62.pdf> (accessed 3 June 2018).
- Scamell M. (2014) Childbirth Within the Risk Society. *Sociology Compass*, vol. 8, no 7, pp. 917–928. Available at: <https://doi.org/10.1111/soc4.12077> (accessed 19 October 2018).
- Scott J. (1999) Moral'naya ekonomika derevni [The Moral Economy of the Peasant]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir [Informal Economy. Russia and the World]* (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 541–544 (in Russian).
- Shevchenko I., Shevchenko P. (2005) Bol'shaya sem'ya — kakaya ona? [A Large Family — What is it Like?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 1, pp. 95–101 (in Russian).
- Specht H. (1986) Social Support, Social Networks, Social Exchange, and Social Work Practice. *Social Service Review*, vol. 60, no 2, pp. 218–240. Available at: <http://www.jstor.org/stable/30012339> (accessed 3 June 2018).
- Steinberg I. (2009) Protsess institutsionalizatsii setey sotsial'noy podderzhki v mezhsemeynykh i druzheskikh obmenakh [The Process of Institutionalization of Social Support Networks in Inter-family and Friends' Exchanges]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 2, pp. 62–75. Available at: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009\[2\].pdf#page=62](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204976/ecsocMarch2009[2].pdf#page=62) (accessed 19 October 2018) (in Russian).
- Steinberg I. (2010) Paradigma chetyrekh “K” v issledovaniyakh sotsial'nykh setey podderzhki [The Paradigm of the Four “K” in the Research of Social Support Networks]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 5, pp. 40–50 (in Russian).
- Sukhova A. S., Gladnikova E. V., Nagernyay M. A., Roshchina Y. (2013) *Neformal'naya ekonomika v rossiyskikh domokhozyaystvakh v pervoy polovine 2000-kh: domashniy trud, agroproduktivost' i mezhsemeynyye*

transferty [The Informal Economy in Russian Households in the First Half of the 2000s: Household Work, Agricultural Production and Interfamily Transfers] (eds. N. V. Andrianova, V. V. Radaev), iss. 12, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Sussman M. B., Burchinal L. (1962) Kin Family Network: Unheralded Structure in Current Conceptualizations of Family Functioning. *Marriage and Family Living*, vol. 24, no 3, pp. 231–240. Available at: <http://www.jstor.org/stable/349136> (accessed 3 June 2018).

Tanskanen A., Jokela M., Danielsbacka M., Rotkirch A. (2014) Grandparental Effects on Fertility Vary by Lineage in the United Kingdom. *Human Nature*, vol. 25, no 2, pp. 269–284. doi:10.1007/s12110-014-9200-9 (accessed 3 June 2018).

Temkina A. (2017) “Ekonomika doveriya” v platnom segmente rodovspomozhenii: gorodskaya obrazovannaya zhenshina kak potrebitel’ i patsientka [“Economy of Trust” in Commercial Obstetric Care: Educated Urban Women as Consumers and Patients]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 3, pp. 14–53. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/05/31/1172172613/ecsoc_t18_n3.pdf#page=14 (accessed 3 June 2018) (in Russian).

Unger D. G., Powell D. R. (1980) Supporting Families under Stress: The Role of Social Networks. *Family Relations. Family Stress, Copying and Adaptation*, vol. 29, no 4, pp. 566–574. Available at: <http://www.jstor.org/stable/584473> (accessed 3 June 2018).

Vovk E. (2007a) Kolichestvo detey v sem’ye: ustanovki i reproduktivnoye povedeniye [Number of Children in a Family: Attitudes and Reproductive Behavior]. *Sotsial’naya real’nost’*, iss. 1, pp. 20–26. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit05.php> (accessed 28 March 2018) (in Russian).

Vovk E. (2007b) Obrazy mnogodetnoy sem’i v sovremennom obshchestve. Mnogodetnost’ kak tsennost’ i praktika [Images of a Large Family in Modern Society. Large Families as a Value and Practice]. *Sotsial’naya real’nost’*, iss. 3, pp. 33–46. Available at: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-237.pdf> (accessed 28 March 2018) (in Russian).

Vrublevskaya P. (2016) Krugovorot detskikh veshchey v prikhodskoy tserkvi: k voprosu o znachenii daroobmena [Circulation of Children’s Items in Christian Orthodox Parish: Observations to the Gift Exchange Theory]. *Religiovedcheskiye issledovaniya = Researches in Religious Studies*, vol. 1, no 13, pp. 103–127 (in Russian).

Zabaev I. (2011a) Logika analiza dannykh v obosnovannoy teorii (grounded theory): versiya B. Glezera. [The Logic of Data Analysis in Grounded Theory: B. Glezer’s Version]. *Sociology: 4M*, vol. 32. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/08/20/1265223821/%D0%97%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2.pdf> (accessed 18 October 2018) (in Russian).

Zabaev I. (2011b) Ratsional’nost’, otvetstvennost’, meditsina: problema motivatsii detorozhdeniya v Rossii v nachale XXI veka [Rationality, Responsibility and Medicine: A Problem of Childbearing Motivation in Russia at the Beginning of the XXI Century]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 2, pp. 21–48. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552522/ecsoc_t12_n2.pdf#page=21 (accessed 18 October 2018) (in Russian).

Zabaev I., Prot. N. Emelyanov, Pavlenko E., Pavlyutkin I. (2012) *Sem’ya i detorozhdeniye v Rossii: Kategorii Roditel’skogo soznaniya* [Family and Childbearing in Russia. Categories of Parental Nind], Moscow: PST-GU (in Russian).

Zhuravleva T. L., Gavrilova Y. A. (2017) Analiz faktorov rozhdayemosti v Rossii: chto govoryat dannyye RLMS HSE? [Analysis of Fertility Factors in Russia: What do RLMS HSE Data Show?]. *HSE Economic Journal*, vol. 21, no 1, pp. 145–187 (in Russian).

Received: October 23, 2018

Citation: Goleva M. (2019) Setevye efekty rozhdaemosti: sluchay mnogodetnykh semey v Rossii [The Effects of Social Network on Fertility: The Case of Large Families in Russia], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 3, pp. 136–163. doi: [10.17323/1726-3247-2019-3-136-163](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-136-163)